

Мещерякова Анжела Валерьевна**Meshcheryakova Angela Valeryevna**

кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории государства
и права
Северо-Кавказского федерального университета

PhD in History, Assistant Professor,
Theory and History of
State and Law Department,
North Caucasus Federal University

КОНЦЕПЦИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE CONCEPT OF EXPERIMENTAL LEGISLATION AND ITS VALUE FOR IMPROVING LAWMAKING

Аннотация:

Объектом исследования в работе выступает закон как вид правового акта, который подвергается анализу на основе теоретической модели системы с определенной целевой функцией и распределенными (проектными и контрольными) параметрами. Сформулированы отдельные теоретические положения концепции закона как системы с распределенными параметрами, обозначены перспективы ее использования для совершенствования законодательной деятельности.

Ключевые слова:

закон, правовой эксперимент, правотворчество, целевая функция, распределенные параметры, экспериментальный закон.

Summary:

The object of the research is the law as a type of legal act analyzed on the basis of the theoretical model of the system having certain objective function and distributed (project and control) components. The author formulated several theoretical theses for the law concept as the distributed components system and identified the prospects of their use for legislation improvement.

Keywords:

law, legal experiment, lawmaking, objective function, distributed components, experimental law.

Перспективными направлениями научного анализа правовых явлений являются использование междисциплинарных практик, методов исследований и моделирование процессов [1], которые позволят получать новые научные знания или проверять существующие научные гипотезы. Так, в частности, модель и категория системы для научного анализа явлений используется различными науками, включая и те, данные которых релевантны для исследования социальных систем.

Актуальной задачей в сфере правотворчества является обеспечение такого уровня законодательства, при котором закон стал бы результатом тщательной экспертно-аналитической работы при очевидном понимании законодательного акта как конкретного примера микро-системы с четко распределенными параметрами и так же точно обозначенной целевой функцией, реализация которой проверяется с помощью определенных показателей, заложенных при разработке и принятии законопроекта.

Ежегодно парламентами многих стран (например, США, России, Германии) принимается примерно одинаковое количество новых законодательных актов – 1500 в год. Однако изучение тематики и содержания принимаемых законов позволяет сделать вывод о том, что многие из них являются собой не итог тщательной работы госорганов, сопровождаемой активным экспертным и общественным обсуждением, а результат обычной рутинной работы, показывающей, что законодатель работает постоянно, не обязательно решая при этом конкретные ключевые задачи. Но закон не может быть просто результатом ежедневного рутинного «творчества». В этом случае он малоэффективен, быстро меняется, следовательно, вызывает мало уважения в общественном сознании и, как правило, не соблюдается. Для ряда принятых и действующих в настоящее время законов характерна тенденция бесконечного внесения изменений, которые профессиональным сообществом ожидаются как совершаемые на постоянной основе. Сказанное относится, например, к Уголовному, Гражданскому, Уголовно-процессуальному (УПК), Гражданскому процессуальному кодексам (ГПК) РФ и др. В частности, УПК и ГПК РФ действуют немногим более 10 лет, однако настоящие их версии мало соответствуют редакции времени их введения в действие. Например, в УПК упразднен целый раздел, утратили силу несколько глав о производстве в суде второй инстанции, внесено множество иных изменений и дополнений. Российское законодательство не является исключением – описанная тенденция характерна для многих стран.

Экстенсификация постоянно меняющегося законодательства, как и другая, но близкая тенденция – экстенсификация изменений в действующем законодательстве, позволяет сделать два заключения: а) это состояние является либо отражением (очевидной или бессознательной (в силу

общего уровня образования и профессиональной культуры)) неспособности законодателя угнаться за развивающимися отношениями в обществе, верно рефлексировать общественные потребности и интересы либо б) отражением стремления законодателя решить проблемы неурегулированности тех или иных сторон общественной жизни быстро путем стандартного, формулярного законописания по любому поводу, что создает видимость активной работы законодателя над созданием законов и переносит всю ответственность на исполнителей, которые реализуют его не так, как задумано. Для публичных выступлений многих современных парламентариев типично утверждение о том, что с их (законодателей) стороны делается практически все, что может быть сделано, однако какие-то «иные» субъекты правовых и политических процессов мешают реализации их намерений. Такая позиция законодателей может говорить лишь о слабости их правосознания и непонимании конкретной целевой функции, которую должен выполнять принимаемый закон.

Известный американский правовед XX в. Л. Фуллер в большом аллегорическом вступлении ко второй главе его работы «Мораль права», описывая способы и причины потерпеть неудачу при составлении новых законов, обсуждал проблему кризиса законности при чрезмерной экстенсификации законодательства [2, с. 47–55]. С одной стороны, речь идет о том, что законы, которые постоянно меняются, зачастую хуже состояния, когда они вообще отсутствуют. С другой стороны, очевидно утрачивается связь законодателя с народом, нарушается описанная социологом Г. Зиммелем «взаимность относительно соблюдения законов» [3, с. 57]. Л. Фуллер, ссылаясь на исторический пример тоталитарных режимов, справедливо отмечает, что увлечение бесконечно увеличивающимся законодательствованием, часто не обеспеченным адекватными исполнительными и исполнительскими механизмами, избирательное применение отдельных норм или реагирование на неисполнение или нарушение законов лишь в случае существенного обострения ситуации и т. п. ведут к тому, что «наступает всеобщий и решительный упадок законности даже при том, что ни по одному из перечисленных выше направлений (способов потерпеть неудачу при написании законов. – *доб. нами*) дело не дошло до полного провала» [4, с. 54].

В современной правовой литературе (как российской, так и зарубежной) использование экспериментальных методов рассматривается как один из возможных способов преодоления кризисных тенденций в сфере законодательства [5]. Экспериментальным путем могут быть получены необходимые сведения для разработки и принятия долгосрочных законов, как и такие сведения, которые позволят отказаться от использования долгосрочного закона, которым может быть вызвана ситуация еще большей правовой неопределенности и избыточности законодательного массива [6].

В широком спектре оценок роли экспериментального законодательства преобладают гносеологические характеристики, которыми определяется конструктивная функция экспериментальных правовых актов для формирования соответствующей модели правового регулирования. Но редко появляются и такие оценки экспериментального законодательства, как форма «политического компромисса» [7, S. 92], «тенденция квази онаучивания политики» [8, S. 93], «средство законодательного самоконтроля» [9].

Так, в частности, М. Клепфер полагает, что экспериментальное законодательство может служить для создания впечатления, что «совершаются определенные политические действия, не затронув при этом что бы то ни было на широком пространстве» [10, S. 92], либо как «инструмент тактики долгосрочного осуществления... или, напротив, долгосрочного уклонения от определенных политических решений» [11].

Экспериментальный закон является в последнем контексте важным средством современной политики, которое как предлагает ее субъектам возможность достижения компромисса или получения отсрочки в принятии политического решения, так и может быть использовано для манипуляции основными принципами и целями законодательной политики в угоду узкокорпоративным политическим интересам. В связи с этим необходимость развития понимания закона как системного акта с четко определенной целевой функцией, распределенными на этапах разработки проекта и последующего за введением в действие анализа основных достижений и результатов параметрами становится актуальной доктринальной и политико-правовой задачей.

Для сферы экспериментального законодательства формулирование основной целевой функции закона ограничивается отсутствием достаточных данных о способах решения той или иной задачи. Целевая функция для любого закона – это зависимая величина, определяемая параметрами на этапе проектирования, т. е. заданными (распределенными) параметрами. В процессе реализации закона эта величина достигает максимума или минимума. При анализе результатов действия закона должны быть найдены такие значения проектных параметров, которые определенно демонстрируют реализацию целевой функции в заданном направлении. В связи с этим целевая функция является критерием качества закона, который при таком подходе приобретает свойство проектного акта, который может и должен быть подвергнут рациональному анализу и контролю.

Если законодатель не располагает соответствующими данными и они не могут быть получены исследовательским путем, то, очевидно, в этих условиях вполне логично использовать гно-

сеологический потенциал экспериментального законодательства. В данном случае может использоваться как закон с ограниченным сроком действия (например, на 10 лет с целью сначала минимизации, а затем полного искоренения использования допинга в профессиональном спорте), так и модель экспериментального закона (с тем чтобы получить недостающие сведения о реальных показателях состояния проблем с использованием допинга). При таком подходе можно будет реально оценить состояние распределенных параметров на этапе проектирования закона и достигнутых в процессе его реализации контрольных показателей.

Таким образом, для решения ряда существенных проблем в сфере законодательной политики, преодоления негативных тенденций чрезмерной экстенсификации законодательства, использования неэффективных практик решения правовых проблем с помощью закона, конструктивного решения дихотомии критериев «позитивности закона» и «подсудности» необходимо использовать междисциплинарные научные связи, обогащающие аналитические возможности правоведения при рассмотрении закона как теоретико-правового явления, а также конкретного политико-правового решения, когда закон рассматривается как пример системы (микросистемы) с определенной целевой функцией и распределенными проектными и контрольными параметрами.

Экспериментальное законодательство и законы с определенным сроком действия являются одним из способов эффективного осуществления законодательной политики, выполняя при этом гносеологическую и контрольную функции.

Ссылки:

1. Теория менеджмента / под ред. А.М. Лялина. СПб., 2009. 464 с.
2. Фуллер Л.Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. М., 2007. 306 с.
3. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии. М., 2015. 132 с.
4. Фуллер Л.Л. Указ. соч. С. 54.
5. Лапаева В.В. Научное обеспечение правотворческих экспериментов // Проблемы совершенствования советского законодательства: труды. Вып. 41 / редкол.: М.И. Брагинский, С.Н. Братусь, М.Я. Булошников и др.; гл. ред. И.Н. Кузнецов. М., 1988. С. 33–45; Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / В.В. Глазырин, М.Л. Захаров, В.П. Кашепов, Н.И. Клейн и др.; под ред. В.И. Никитского, И.С. Самощенко. М., 1988. 304 с.; Maaß V. Experimentierklauseln für die Verwaltung und ihre verfassungsrechtlichen Grenzen: zugleich ein Beitrag zu § 7a BerlHG. Berlin, 2001. 222 S.
6. Horn H.-D. Experimentelle Gesetzgebung unter dem Grundgesetz. Berlin, 1989. 400 S.; Maaß V. Op. cit.
7. Gesetzgebung im Rechtsstaat: Berichte und Diskussionen auf der Tagung der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer in Trier vom 30. September – 3. Oktober 1981 / K. Eichenberger, R. Novak, M. Kloepper und weitere. Berlin, 1982. 355 S.
8. Ibid. S. 93.
9. Гарapon А. Хранитель обещаний: суд и демократия / науч. ред. А.И. Ковлер; пер. с фр. Г.В. Чуршук; авт. предисл. П. Рикер. М., 2004. 328 с.; Gesetzgebung: Rechtsetzung durch Parlamente und Verwaltungen sowie ihre gerichtliche Kontrolle / hrsg. von W. Kluth, G. Krings, S. Augsberg und weitere. Heidelberg; Hamburg, 2014. 1050 S.
10. Gesetzgebung im Rechtsstaat ... S. 92.
11. Ibid.

References:

- Eichenberger, K, Novak, R & Kloepper, M (usw.) 1982, *Gesetzgebung im Rechtsstaat: Berichte und Diskussionen auf der Tagung der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer in Trier vom 30. September – 3. Oktober 1981*, Berlin, 355 S., (in German).
- Fuller, LL, Danilova, T (transl.) & Kuryaev, A (ed.) 2007, *The moral of law*, Moscow, 306 p., (in Russian).
- Garapon, A, Kovler, AI (ed.), Churshukov, GV (transl.) & Ricker, P 2004, *The keeper of promises: the court and democracy*, Moscow, 328 p., (in Russian).
- Glazyrin, VV, Zakharov, ML, Kashepov, VP, Klein, NI (etc.), Nikitsky, VI & Samoshchenko, IS (eds.) 1988, *Legal experiment and legislation improvement*, Moscow, 304 p., (in Russian).
- Horn, H-D 1989, *Experimentelle Gesetzgebung unter dem Grundgesetz*, Berlin, 400 S., <https://doi.org/10.3790/978-3-428-46721-1>.
- Kluth, W, Krings, G & Augsberg, S (usw.) (hrsg.) 2014, *Gesetzgebung: Rechtsetzung durch Parlamente und Verwaltungen sowie ihre gerichtliche Kontrolle*, Heidelberg, Hamburg, 1050 S., (in German).
- Lapaeva, VV, Braginsky, MI, Bratus, SN, Buloshnikov, MYA (etc.) & Kuznetsov, IN (ed.) 1988, 'Scientific support for law-making experiments', *Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatel'stva*, Issue 41, pp. 33-45, (in Russian).
- Lyalina, AM 2009, *Management Theory*, St.-Petersburg, 464 p., (in Russian).
- Maaß, V 2001, *Experimentierklauseln für die Verwaltung und ihre verfassungsrechtlichen Grenzen: zugleich ein Beitrag zu § 7a BerlHG*, Berlin, 222 S., (in German).
- Simmel, G 2015, *Selected issues. Problems of sociology*, Moscow, 132 p., (in Russian).